

1/500

3.3.32

Леонид Леонов

Шекспировская площадность

М. Советское искусство

26/1332

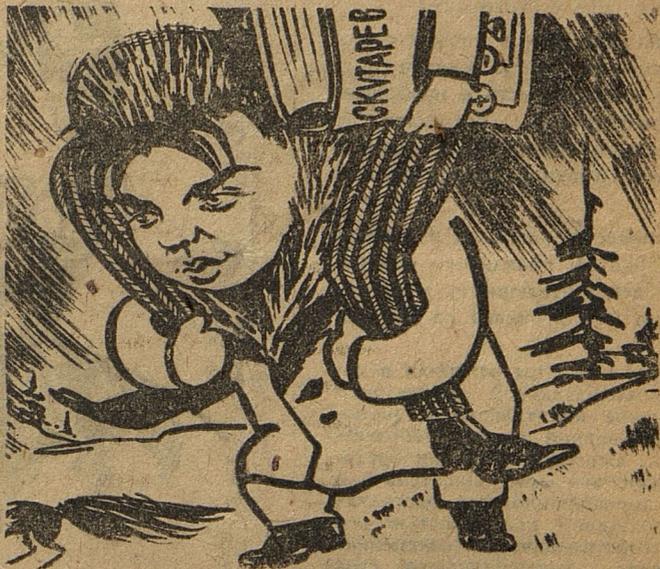
Дружеский шажок Э. Мордмилловича

В период, когда рабочий класс так могуче и победоносно выходит на историческую арену, мне кажется, нам нужно искусство острых социальных проблем, больших полотен, мощных социальных столкновений глубокой философской насыщенности. Искусство должно отобразить самые мощные человеческие страсти, самые глубокие эмоции и бурные человеческие темпераменты. Это требует прежде всего в литературе очень большой точности и целеустремленности; в живописи—большой работы над культурой рисунка (который почти выродился и на Западе и у нас), возрождения новой мелодии в музыке, а в драматургии—большой работы над техникой интриги, над легкой образов и характеров, над диалектической механикой их столкновений.

В эпоху штурма, глубокого исторического натиска, который мы переживаем, всем родам искусства, а значит и драматургии, должны быть присущи элементы эпичности. Это увеличит бронейную силу нашего искусства в целом и драматургии, по своей природе наиболее способной воздействовать на огромные коллективы зрителей, в особенности. Запад подменяет сейчас идейное содержание драматургии чисто формалистическими, неврастеническими исканиями. Ясно поэтому, что не все то, что признаю хорошим у них, нам следует без оговорок и дополнительных коэффициентов перенимать для себя. У них сейчас господство сумеречных настроений, отчаянных поисков выхода из тупика, мы же знаем, куда идем. Железная поступь наших будней требует монументальности, «шекспировской площадности». Поэтому неспроста наша литературно-политическая общественность заговорила сейчас так много о Шекспире, а наши театры—языком постановок самого Шекспира.

Но Шекспира на советской сцене я себе представляю не в трактовке вахтанговцев («Гамлет» Акимова, каким бы блестящим и сверкающим этот спектакль ни был). В Западной Европе Шекспир подается сейчас под тонким соусом гурманского культурного скепсиса. Мы же не можем и не должны выхолощивать из Шекспира его огромное идейное содержание, его эмоциональную насыщенность, его непревзойденное умение ваять человеческие характеры и сталкивать их в неразрешимых потрясающих конфликтах.

Сейчас работать над описанием человека значительно труднее, чем это было в дни классиков—Достоевского или Пушкина. День Ставрогина или Онегина складывался из привычных, обычных даже в своем необычном, дел и поступков. Профессия не только в практическом или даже психологическом, но и в социальном смысле этого слова не имела тогда той всепоглощающей значимости для человека, той социальной заостренности, что сейчас. И писателю-классику легко было отобразить в своих романах «труды и дни» своих героев. У нас герой находится еще только в периоде становления. Нашу писательскую работу еще «поводит», как шкаф, сработанный из невыдержан-

Л. Леонов

ного дерева. Рефлексы, психика и подсознательное людей нашего времени образуются еще только на наших глазах. Их нужно, уметь понять во всей глубине и только потом строить облик нашего человека или роман его жизни. Поэтому у классиков нужно учиться не методом слепого подражания, а критически преодолевая их и впивывая в себя элементы их творческого мастерства.

Я говорил о Шекспире, но я галерею классиков, у которых нам есть чему поучиться, я не могу не включить гениального автора «Тартюфа» или древнего ваятеля трагедии о «Скованном Прометее» и многих других. Но ведь дело не в перечне имен, его можно продолжать до бесконечности. Важно, чтобы наши драматурги нашли то художественное звучание философского ряда человеческих характеров, в котором люди наших дней, являющиеся гробкопателями старого и зачинателями новой исторической эры, нашли бы своих верных и правдивых истолкователей. Речь идет о том ленинском «основном звене», за которое нам следует ухватиться при учете всего классического наследия прошлых веков.

В прошлом году на Магнитострое лопнула труба, охлаждающая домну. Дело случилось зимой при 40-градусном морозе. Авария грозила остановом домны на очень долгий срок. Ремонт должен был быть произведен моментально, но в совершенно непреодолимых для человеческих возможностей условиях (возможно, что я не совсем точно привожу здесь подробности факта, о котором так выпукло на первом писательском совещании после 23 апреля 1932 г. рассказал т. Гронский). Добровольцами вылезались несколько молодых партийцев-ударников. Они с криком «Да здравствует XVII партконференция» бросились в эту ледяную воду, и в течение 8 минут авария была ликвидирована.

Что это?—факт реалистический

или романтический? Вернее будет сказать, что подобные факты (которыми в действительности только и пишется книга нашей современности) не укладываются ни в какие канонические формулировки. Ведь романтизм—это тот гормон, который поднимает художественное ремесло на уровень подлинного искусства. И постольку всякий реализм, поскольку он не хочет выродиться в мелкобуржуазный натурализм, должен быть романтическим.

Я недавно закончил драматическую переработку романа «Скутаревский», который, к слову сказать, мною первоначально и был задуман в форме драматургического произведения. Основная тема и романа и драмы—показ интеллигента так называемой второй фазы принятия Октября. Первая фаза характеризовалась примерно такой социально-психологической установкой интеллигенции: «Ну, что ж, я нахожусь на службе у рабочего класса, но мои старые традиции и мировоззрения остаются в своей полной чистоте и неприкосновенности». Вторая фаза характерна именно коренным пересмотром этих традиций и принятием Октября уже не только как совершившийся факт, но и идеологически мировоззренчески, путем окончательного перехода на позиции рабочего класса. Показ такого идеологического переключения интеллигента значительно сложнее психики мужика, увидевшего трактор и воскликнувшего «так вот оно, что такое социализм!»

В драматической обработке «Скутаревского» я несколько сократил количество действующих лиц. Так мною исключен из драмы Иван Петрович Геродов, а его функции переданы дополнительно Арсению Скутаревскому, сыну главного героя, роль которого в соответствии с этим в драме несколько выросла.

О моих ближайших творческих замыслах я сейчас говорить затрудняюсь. Все это еще в стадии брожения темы, сюжета и основных идей. Разрешите мне вернуться к этому вопросу в будущем.